

УДК 930.1:005.91(476)

Е.И. Пашкович¹, О.А. Мендель²¹канд. ист. наук, доц., зав. каф. всеобщей истории

Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

²магистр ист. наук, педагог-организатор средней школы № 18 г. Бреста

e-mail: pashkovich_elena@tut.by; olya.mendel@mail.ru

ОБЛИК ГОРОДОВ И МЕСТЕЧЕК ПОЛЕССКОГО ВОЕВОДСТВА В 1921–1939 гг.

Рассматривается социально-экономическое развитие городских поселений Полесского воеводства в контексте истории Западной Беларуси в 1921–1939 гг. Исследование темы базируется на анализе работ отечественных и польских историков, изучении статистических источников и архивных документов, многие из которых вводятся в научный оборот впервые. Прослежена динамика количества городских поселений в регионе на протяжении изучаемого периода, раскрыта их демографическая ситуация, определены особенности застройки, выявлены основные тенденции в развитии инфраструктуры городов и местечек Полесского воеводства, дана оценка деятельности властей в этой сфере.

Введение

Проблема развития поселений в Беларуси в условиях модернизации общества на сегодняшний день остается актуальной. Одним из главных составляющих комплексных исследований является изучение динамики их административно-территориальной принадлежности, демографической ситуации, социально-экономического статуса в историческом контексте. Изучение истории населенных пунктов Полесского воеводства в 1921–1939 гг. может способствовать лучшему пониманию истории Западной Беларуси. Проведение такого научного исследования на микроуровне в результате выявления новых фактов, особенностей и закономерностей в истории поселений будут способствовать воспитанию ответственного отношения к культурному наследию «малой родины».

В течение последних 20 лет были защищены кандидатские и докторские диссертации, посвященные различным аспектам истории Западной Беларуси. Значительно меньше из них опубликовано. Среди них монография А.Н. Вабищевича, посвященная национально-культурной жизни Западной Беларуси в 1921–1939 гг., в том числе и городов [1]. В работе А.И. Борко главное внимание направлено на изучение органов государственного управления и самоуправления в Западной Беларуси [2]. История социально-экономического и культурного развития местечек Западной Беларуси рассматривается в работе В. Князевой [3]. Историю еврейских местечек в 1920–1930-е гг. на территории Западной Беларуси изучает А. Войтешик [4], однако монография пока не издана. С 2006 г. коллективом кафедры истории Беларуси ГрГУ имени Я. Купалы разрабатывался проект «Працэсы ўрбанізацыі ў заходнім рэгіёне Беларусі ў XIX–XX стагоддзях». В рамках реализации этого проекта были проведены четыре научные конференции, посвященные вопросам развития городов в контексте политики, экономики и культуры Беларуси [5]. Сотрудниками Института истории НАН Беларуси при участии других белорусских историков была подготовлена книга по истории Пинска от древности до современности [6]. Нельзя не отметить историко-документальных хроник городов и районов Беларуси «Памяць». В книгах освещается история городов и районов Беларуси от древности до наших дней. Коллективом авторов Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина инициирована серия «Города и районы Берасцейшины». Уже издано две работы этого цикла, посвященные истории государственно-политического, социально-экономического, культурного и конфессионального развития Ивацевичского и Ивановского районов Брестской области [7; 8]. Между тем приходится констатировать, что научные исследования, посвященные эволюции и типологии поселе-

ний, а также урбанизационным процессам на территории Беларуси, на сегодняшний день фрагментарны, а комплексные работы и вовсе отсутствуют.

Целью статьи является научное рассмотрение развития городских поселений на территории Полесского воеводства в 20–30-е гг. XX в., главным образом таких ее аспектов, как демография и инфраструктура, с учетом политических и социально-экономических трансформаций в регионе.

В межвоенный период в Полесском воеводстве происходили процессы, которые предопределили развитие городов и местечек: уникальное географическое положение, последствия предшествующих военных конфликтов, сложная демографическая и социально-культурная ситуация, политическое регулирование жизни Полесья.

4 февраля 1921 г. польский сейм принял закон о политико-правовом положении на землях, отошедших к Польше согласно заключенному в октябре 1920 г. договору о перемирии и предварительных условиях мира с РСФСР и УССР. Этот закон передавал занятые белорусские территории в распоряжение центральных органов власти и тем самым включал их в состав Польского государства [9], что было окончательно закреплено Рижским мирным договором в марте 1921 г. На западнобелорусских землях 1 марта 1921 г. было создано Полесское воеводство, центром которого тогда же был определен Брест-Литовск, получивший в феврале 1923 г. новое название – Брест над Бугом [10].

Однако польская администрация в западнобелорусских городах устанавливалась еще раньше. Так, Брестский городской магистрат был создан уже в феврале 1919 г., сразу после того, как город был занят польскими войсками, а в сентябре 1919 г. состоялись выборы в городскую раду. Президентом города стал Ян Урсын Немцевич [11].

В соответствии с распоряжениями Генерального комиссара Восточных земель о временном положении о городах от 27 июня и 14 августа 1919 г. и об устройстве местечек от 16 августа 1919 г. и 7 ноября 1919 г., городом назывался населенный пункт, обладающий городским самоуправлением, число жителей которого превышало 4 000 человек. В 1921 г. в Полесском воеводстве было 12 городов [12]. На момент переписи 1931 г. насчитывалось 14 населенных пунктов, имевших статус города: Брест над Бугом, Высоко-Литовск и Каменец-Литовск Брестского повета, Кобрин Кобринского, Коссово и Ружаны Коссовского, Лунинец Лунинецкого, Пинск и Логишин Пинского, Пружаны, Береза-Картузская и Шерешево Пружанского, Столин и Давид-Городок Столинского поветов [13].

Наибольшее значение среди городов имели Брест над Бугом и Пинск. В Бресте над Бугом как воеводском центре размещались такие значимые административные учреждения и службы, как Окружная палата государственного контроля, Отдел водных путей сообщения, Бюро мелиорации Полесья, Кураторство Полесской школьной округи, Окружная комендатура государственной полиции, Государственное управление посредничества труда, Окружное управление фонда безработицы, Окружная инспекция труда, а также магистрат, городской сеймик и др. [14]. Значительную роль в жизни города играл военный гарнизон. В Бресте размещалось Управление Корпусного округа № 9. Брест был центром двух деканатов – римско-католического и православного. Украшением города являлись два костела, две православные церкви и одна евангелическая. В городе также действовали 57 молитвенных домов и несколько синагог, главная из которых (белая шестиугольная) располагалась на углу улиц Домбровского и Листовского (современный кинотеатр «Беларусь») [15].

После установления польской власти городская администрация Бреста, как и других полесских городов, столкнулась с рядом острых проблем, требовавших незамедлительного решения: наведение порядка в городе, прекращение распространения инфек-

ционных заболеваний, снабжение жителей продовольствием и топливом, оказание помощи наиболее нуждающимся категориям населения.

С началом Первой мировой войны и последующие годы первой половины XX в. в регионе происходили серьезные демографические изменения. Высокая смертность, эвакуация, беженство населения, вывоз местных жителей на принудительные работы в Германию в годы Первой мировой войны привели к тому, что большинство городов обезлюдели [16, с. 443–445]. В Бресте к 1919 г. по сравнению с 1913 г. число жителей сократилось примерно в 4 раза, в Пинске – на 45 % [17, с. 219–220].

Начало 1920-х гг. характеризуется стремительным ростом численности населения Полесского воеводства за счет прежде всего массового возвращения беженцев. Больше всего репатриантов было в Брестском повете – 31,3 % всех репатриантов в воеводстве; в Пружанском и Кобринском поветах репатрианты составляли 43,3 и 42,4 % местного населения соответственно [18]. В 1919 г. в Бресте насчитывалось только 7 000 жителей [19, с. 7], но уже в апреле 1920 г. – 36 430 человек (в том числе около 10 000 военных и гражданских служащих вместе с семьями) [20].

Одним из источников роста числа городских жителей в межвоенные годы было территориальное расширение городов за счет включения в их состав близлежащих деревень. Так, за 1920–1930-е гг. период площадь Бреста увеличилась с 5,3 до 25 км² [21]. В 1919 г. Брест вместе с Волыньским предместьем занимал площадь в 534 га. Магистрат выступил с инициативой о включении Граевского, Киевского и Шпановичского предместий в городскую черту с целью упорядочения контроля за этими территориями. Кроме того, магистрат стремился присоединить к городу пустующие земли, которые в будущем можно было застраивать. Старания магистрата натолкнулись на сопротивление жителей предместий, которые из опасений увеличения налогового бремени боролись против присоединения к городу. Процесс включения предместий в городскую черту закончился только к 1929 г., что привело к увеличению территории города на 1 246 га. Через несколько лет городские власти предложили включить в черту города территорию Брестской цитадели, что и было сделано в 1939 г.: городская территория увеличилась еще на 725 га. Таким образом, город в 1939 г. уже занимал площадь 2 505 га [21].

При расширении городов принимались во внимание не только экономические, но и политические мотивы. Включение в городскую черту деревень, где местные жители были христиане, позволяло уменьшить удельный вес еврейского населения, что могло серьезно повлиять на результаты муниципальных выборов. В одном из отчетов городских властей Бреста указывалось, что включение в черту города территории Брестской крепости в 1933 г. «заметно усилило польский элемент и его влияние на городские дела в общественно-политическом отношении» [20].

На западнобелорусских землях не было больших городов. Сравнительно крупными городами, население которых превышало 25 тыс. человек и служило основанием для выделения их из повета в отдельную административно-территориальную единицу, были лишь Брест (47,5 тыс.) и Пинск (32 тыс.) [21; 22]. Другие городские центры были значительно меньшими. Так, в начале 1930-х гг. в Давыд-Городке проживало 11 500, в Кобрине – 10 000 человек [14, с. 156].

Для Полесского воеводства был характерен самый высокий уровень естественного прироста населения в Польше – 19 человек на 100 жителей при среднем показателе по всей стране 15,8 человек [23, с. 238]. Однако такая тенденция была характерна лишь для сельской местности. Прирост населения в городах и местечках Полесья был самым низким в восточных регионах Польши. Всего межвоенного двадцатилетия было недостаточно, чтобы восстановить довоенное число жителей многих городов. Так, население Бреста накануне Первой мировой войны составляло 57,3 тыс. человек; в 1939 г. здесь проживало 53,3 тыс. жителей [21; 19]. В поветовом городе Косово в 1921 г. про-

живало 2 433 человека [24, s. 18–22], а в 1938 г. его население увеличилось до 3 708 жителей (прежде всего за счет миграции) [25, с. 88].

В городах Полесского воеводства, как правило, доминировало население иудейского вероисповедания, меньше было католиков, еще меньше православных. Например, согласно официальной статистике, в 1921 г. в Бресте иудеи составляли 53 % населения (16 630 человек), католики – 29 % (8 676 человек), православные – 17 % (5 025 человек). В Пинске в 1921 г. 74,6 % жителей были иудеи. Из всех городов Полесского воеводства исключение составляли Лунинец и Давыд-Городок, в которых большинство жителей были православными (57,4 и 70 % соответственно) [12].

Первостепенные задачи, которые стояли перед новыми властями, были связаны с послевоенным восстановлением, в том числе налаживанием коммуникаций, развитием инфраструктуры, строительством жилого фонда. Как сообщается в одном из отчетов о деятельности органов самоуправления г. Бреста, в городе в 1915 г. накануне отступления российских войск было 3 670 зданий. В момент перемещения фронта в городе было уничтожено 2 500 зданий, т.е. более 68 % [26, с. 55]. Возвращение беженцев в начале 1920-х гг. вызвало резкое обострение жилищного вопроса. В начале 1921 г. были созданы специальные отделения по реконструкции, куда можно было подавать заявления на оказание помощи в восстановлении хозяйств. Такая помощь чаще всего оказывалась в форме распределения древесины для строительства домов и коммерческих помещений и предоставления банковских кредитов. Наиболее активно восстановление жилого фонда в г. Бресте проходило в 1922–1924 гг., когда было отстроено 490 домов [27]. Но и в последующие годы плановая застройка продолжалась.

В 1924 г. правительство инициировало строительство кварталов для чиновников. Недостаток административных зданий и квартир для чиновников негативно влиял на отношение местного населения к польским властям. В разрушенных войной городах администрация вынуждена была занимать жилые помещения, чем были недовольны местные жители. В каждом поветовом центре было запланировано строительство новых, эстетически привлекательных домов, которые вместе с усовершенствованной инфраструктурой должны были решить жилищную проблему и стать визитной карточкой города. К 1926 г. в Бресте над Бугом было построено несколько новых жилых комплексов (колоний): «Тартак» (23 деревянных дома), «Каменная» (21 кирпичный дом), «Схрониско» (2 кирпичных и 12 деревянных зданий). Дома строились по типовым проектам польских архитекторов. Застройка ул. Пулавского (теперь ул. Леваневского) осуществлялась по проектам архитектора Ю. Лисецкого и была представлена домами с мансардными этажами на одну-две семьи. Для декорирования зданий использовалась художественная ковка, металлические козырьки, балконы и ограждения [28, с. 74].

В одном из номеров «Ziemi Pińskiej» за 1926 г. процесс строительства в Бресте был описан следующим образом: «На месте руин возводятся разные, диковинные, неэстетичные и дешевые строения, но хотя бы лишенные восточного налета. Надо признать, что некоторые новые или отстроенные здания являются удачным результатом, как, например, здания Польского банка, железнодорожного вокзала, технической школы. Но в новом квартале построены дома для чиновников и несколько дешевых частных деревянных строений. Дома чиновников бросаются в глаза красными крышами и претенциозными фасадами... Офицерский квартал рядом с так называемой Площадью Свободы поражает взгляд фатальной незавершенностью внешних фасадов в стиле Ноева ковчега с прилепленным, опертым на колоны тяжелым балконом, и кричит о массе нарушений и спекуляций в строительстве... Вся эта “отстройка” со своей бедностью, глупостью, отсутствием вкуса, а часто с криминальной аферой тем не менее есть средство полонизации Бреста» [23, s. 158–159].

В 1927 г. американским еврейским комитетом «Джойнт» для еврейского населения была построена колония имени Варбурга (12 деревянных двухэтажных домов и синагога). Каждый дом делился на 6–8 квартир с отдельными входами, кухнями и верандами [28, с. 74].

На окраинах города строились в основном деревянные одноэтажные дома сельского типа. Зимой 1927 г., по сведениям магистрата, в землянках проживало около 100 семей. Для бездомных в Волынском предместье городской гминой было построено четыре барака на 48 помещений [29].

Задача жилищного строительства решалась медленно. В сообщении брестского поветового врача о санитарном состоянии города в декабре 1928 г. отмечалось: «В Бресте над Бугом чувствуется значительный недостаток жилья. Рабочие проживают в антисанитарных условиях. Ряд семей живет в подвалах разрушенных домов» [30].

По состоянию на конец марта 1930 г. в воеводстве было возведено 169 727 строений, еще 22 427 строений требовали восстановления, а 3 275 пострадавших проживали в приспособленных помещениях [31].

Значительное число брестчан проживало в тяжелых условиях и в конце 1930-х гг. Всего с 1919 по 1938 г. в г. Бресте было построено 3 139 зданий, 2 321 из которых (74 %) были деревянными. Таким образом, в результате реконструкции в г. Бресте (особенно на окраинах) стала преобладать деревянная одно- и двухэтажная застройка (в 1915 г., по данным самих польских властей, деревянная застройка составляла только 20 % [21]).

Незамедлительного решения требовала проблема санитарного состояния в городах. На муниципальных органах лежала основная часть обязанностей по благоустройству городов и поддержанию санитарии: мощение улиц и содержание их в чистоте, строительство общественных колодцев, туалетов, мусорных урн, организация ассенизационных служб и др. Одновременно многие задачи в этой сфере были закреплены за самими жителями, которые были обязаны не только содержать в чистоте собственные дома и дворы, но и своими силами вести строительство тротуаров на прилегающих улицах, подметать их, безвозмездно участвовать в мощении дорог и др. Обычно контроль за исполнением гигиенических норм возлагался на поветовых врачей, стоявших на балансе поветового самоуправления либо государственной администрации, и органы полиции. Уже в феврале 1919 г. в Бресте было установлено санитарное инспектирование улиц, дворов и помещений, позже был введен контроль над продажей продуктов питания и санитарным состоянием заведений общепита [32; 33].

Большого финансирования требовали водоснабжение и канализация. Города и местечки не были обеспечены необходимым количеством колодцев. Потребность в воде обеспечивалась с помощью деревянных шахтных колодцев или прилегающих водоемов. В 1928 г. в Бресте над Бугом насчитывалось 23 колодца. Для доставки жителям воды использовались водовозки (всего 20) [35]. Употребляемая жителями вода, как правило, была непригодна для питья, что чаще всего было связано с загрязнением нечистотами, проникавшими через землю. Нехватка чистой воды была основной причиной распространения тифа и дизентерии. Водопроводом и канализационной системой были оборудованы только большие города. В Бресте над Бугом водопровод был введен в строй лишь в 1931 г. Канализационная сеть города в 1933 г. имела 7 050 м [21].

В Пинске строительство водно-канализационной сети началось только в конце 1930-х гг. (завершить работы планировалось к 1963 г.). Покрывать расходы на подведение канализации к домам должны были сами жители, которым планировалось предоставить кредит [22].

Столинский поветовый староста в отчете за 1926 г. отмечал: «Борьба с антисанитарным состоянием дворов в городах трудная из-за всеобщей нечистоплотности населения... Составление протокола чаще всего бесполезно из-за низкого административного

штрафа – 1–3 злотых. Владелец двора считает более удобным для себя иногда заплатить пару злотых штрафа, чем постоянно содержать двор в чистоте. Санитарные комиссии на территории всего повета были созданы, но редко проявляли свою деятельность, что объясняется пренебрежением санитарными делами со стороны органов самоуправления» [34].

Большая часть городских дорог оставалась немощеной. Из-за отсутствия или непригодности сточных канав на многих участках улиц образовывались большие лужи с грязной водой, куда жители прилегающих домов сливали отходы и нечистоты. К примеру, в Пинске замощенными были только 37 % городских улиц [21; 35]. В Столине в середине 1930-х гг. была лишь одна вымощенная улица, в Давид-Городке ни одной [36]. Многие горожане занимались животноводством, что также отражалось на гигиене улиц. К примеру, как следует из годового отчета поветового коммунального союза Коссовского повета за 1926 г., центральные улицы в Коссово и Ружанах в теплое время года были постоянно загрязнены навозом от ежедневно перегоняемого через них скота [37]. По информации брестского поветового врача, в 1928 г. в Бресте 75 % улиц были немощеные, однако уже к 1938 г. было вымощено около 78 % брестских улиц. В 1921 г. рассматривался даже проект проведения в Бресте трамвайной линии [38].

Во второй половине 1920-х гг. министром внутренних дел был назначен генерал Ф. Славой-Складковский, врач по образованию, ранее возглавлявший санитарную службу в польской армии. Придавая огромное значение вопросам гигиены, новый министр предпринял энергичные действия по улучшению санитарного состояния населенных пунктов Польши. Были изданы предписания, обязывавшие местные органы государственной администрации и территориального самоуправления в сжатые сроки обеспечить чистоту на улицах, рынках и частных дворах.

Характерная ситуация сложилась в Бресте. Критический уровень антисанитарии и неблагоустроенности в центре воеводства стал темой освещения в центральной польской прессе, в связи с чем полесскому воеводе Яну Крахельскому в июне 1929 г. пришлось отчитываться о ситуации министру внутренних дел. Воевода подтвердил запущенное состояние Бреста: «Замощена только незначительная часть улиц, тротуары были разрушены в такой степени, что по ним невозможно было ходить, дома не ремонтировались с довоенного времени или с момента их восстановления после войны, из-за чего штукатурка и карнизы отвалились, балконы грозили обвалиться, лестничные клетки были разрушены, кроме того, торчащие с военного времени руины домов грозили обрушиться, в их подвалах гнездились криминальные элементы, они служили местом вывоза всяких нечистот» [39]. По свидетельству Я. Крахельского, планомерная работа по упорядочению города началась в 1928 г., ее проведение он поручил городским властям. Но из-за межпартийных конфликтов работа городского совета и магистрата была бесплодной, и, несмотря на давление воеводы, городское хозяйство оставалось в полном упадке. Это привело к роспуску Брестского совета, но вновь избранные советники также проявили полное бездействие. В итоге Крахельский возложил ответственность за санитарное состояние города на брестского поветового старосту Ф. Барана.

Для начала староста созвал в марте 1929 г. совещание с участием начальника отдела здравоохранения Зароского, представителей магистрата, полиции и общества владельцев недвижимости в Бресте, на котором потребовал в течение трех месяцев добиться кардинального улучшения благоустроенности города. Брестский магистрат издал соответствующие указания, но жители по привычке их проигнорировали, а городские власти по-прежнему не собирались ничего предпринимать. Тогда Баран, как следует из его записки, направленной полесскому воеводе в августе 1929 г., решил лично заняться благоустройством Бреста при помощи персонала староства и органов полиции. Он разделил город на четыре района, в одном из которых сам проводил инспекции домов

и участков на предмет выполнения санитарных предписаний; ответственными за остальные районы были его заместитель Усаевич, поветовый врач Ромецкий и начальник уголовного отдела старосты Палюшкевич. Многократные инспекции каждого домовладения, а также репрессивные меры в виде денежных штрафов и наказаний арестом убедили горожан в серьезности намерений старосты [40]. По свидетельству воеводы, уже к июню 1929 г. работа по благоустройству Бреста была выполнена на 80 %, а его внешний вид серьезно изменился: в каждом владении были поставлены туалеты и урны, практически все дома отремонтированы, участки огорожены, руины домов были разобраны и т.д. При этом Крахельский утверждал, что требования старосты за небольшим исключением встречали понимание жителей, а карательные действия с его стороны были умеренными: из примерно 4 тыс. владельцев недвижимости за отказ заняться благоустройством 6 человек были заключены под стражу на срок до двух недель, 19 получили незначительные штрафы. Существенные штрафы в размере 100 или 200 злотых были наложены на 57 зажиточных жителей, среди которых многие являлись членами городского совета, демонстративно отказывавшиеся следовать санитарным нормам [39]. Врач В. Борковский, инспектируя в мае 1929 г. учреждения здравоохранения Бреста и Пинска, стал свидетелем того, как в Бресте на праздник православной Пасхи многие жители под страхом арестов за невыполнение в срок указаний по благоустройству спешно красили заборы [41].

Но нередко муниципальные власти воеводства по-прежнему не проявляли заинтересованности в санитарных делах, жители не спешили изменять своим привычкам, а энергичных и целеустремленных старост, как в Бресте, не хватало на все города.

По сравнению с довоенным временем были достигнуты определенные успехи в электрификации: к концу 1930-х гг. во всех западнобелорусских городах имелось электрическое освещение. К примеру, в Бресте над Бугом первая дизельная электростанция была построена в 1925 г., а в 1938 г. была введена в строй еще одна – паротурбинная [21]. Но достижения в электрификации не всегда принадлежали городским властям. Еще в период германской оккупации в годы Первой мировой войны немцы практически во всех городах построили электростанции, многие из которых в дальнейшем перешли в муниципальную собственность. «Приезжего с запада поражает развитая электрификация этой наиболее бедной провинции; почти в 30 местностях имеется электрическое освещение. Это явление не следует, однако, относить на счет местных элементов, поскольку в некоторых случаях, наряду с узкоколейками и дорогами из настиленных бревен, – это единственный заслуживающий признательности след после немецкой оккупации 1915–1919 гг.», – утверждал М. Марчак, автор путеводителя по Полесскому воеводству [42, s. 44]. В 1939 г. в Полесском воеводстве насчитывалось 5 городских электростанций.

Несмотря на старания местных властей, города Полесья, за исключением Бреста и части Пинска, на протяжении межвоенного периода имели отчетливый провинциальный характер. Магазины, аптеки, парикмахерские отличались только вывесками, информирующими о предоставляемых услугах. Как правило, там же размещались и жилые помещения владельца. Над низкой городской застройкой доминировали христианские культовые сооружения. В городах была слабо развита сфера услуг. Посещать парикмахерскую могла незначительная часть жителей. Недостаточно было гостиниц, которые представляли собой небольшие дома, где рядом с комнатами владельца было несколько гостевых комнат. В Столине, например, было четыре гостиницы на десять и девять гостиниц на шесть номеров. Подобная ситуация была в Давид-Городке, где в трех гостиницах было соответственно пять, четыре и две кровати. Лучше обстояли дела в Бресте, где в 1930-х гг. насчитывалось 17 гостиниц, наибольшая из которых «Римская» предлагала 15 комнат по цене от 6 до 8 злотых [43].

Образовательная сфера в Бресте была представлена 14 начальными и 9 средними школами. Музеев до 1930 г. в Бресте не было. Среди действовавших библиотек стоит упомянуть городскую и окружную учительскую библиотеку. Кроме того, в городе было несколько мелких библиотек при книжных магазинах и просветительских обществах. Культурные потребности горожан обеспечивали три кинотеатра, тир, теннисный корт, стадион. Украшением города были два бульвара и два парка [42, s. 44]. В Парке Свободы (современный сквер Пограничников) был основан питомник декоративных и фруктовых деревьев, а также оранжерея. В 1927 г. был заложен сквер на улице Мицкевича, напротив государственной гимназии, в котором было высажено 700 кустов и 36 деревьев; там же были установлены шесть скамеек и два мусорных ящика. Сквер был огорожен так же, как и остальные бульвары [33]. Только с 1930 по 1932 г. на улицах города по распоряжению магистрата было высажено 12 346 деревьев [19, с. 75]. Со временем Брест приобретал привлекательный вид, оставаясь, однако, провинциальным.

Как известно, результативность деятельности органов самоуправления в развитии инфраструктуры напрямую зависит от их финансовых возможностей. В свою очередь, финансовое положение городов Полесского воеводства в 1919–1939 гг. определялись общей экономической ситуацией. Белорусские земли в составе межвоенной Польши были отсталой сельскохозяйственной окраиной с невысоким уровнем развития обрабатывающей промышленности. Серьезные расходы на развитие городов в большинстве случаев оставались для муниципальных властей недоступными, средств, как правило, хватало лишь на жизненно необходимые нужды, причем на минимальном уровне. Тяжелая финансовая ситуация, а также недовольство жителей, для которых содержание городских органов становилось непосильным бременем, стало причиной перевода в 1934 г. в разряд сельских населенных пунктов Логишина и Шерешево; поднимался вопрос о ликвидации городского статуса Высоко-Литовска и Каменец-Литовска [44].

Улучшение городской инфраструктуры предполагало развитие торговой сферы, которая была представлена преимущественно евреями. Малые, тихие местечки оживали во время ярмарок. На Полесье правом на проведение малых (2 раза в неделю) и больших (несколько раз в году) ярмарок обладали 48 населенных пунктов. Попыткой модернизации и активизации хозяйственной жизни была инициатива проведения с 1936 г. Полесской ярмарки [14, s. 152].

Экономическая жизнь городов развивалась медленно. Большинство полесских городов были лишены промышленной функции, в них развивалось частное мелкое предпринимательство, принадлежавшее, как правило, евреям. В 1925 г. в Бресте действовало 59 продовольственных предприятий. Большинство из них специализировались по производству алкоголя и обеспечивали работой 76 человек. Были еще три табачные фабрики, в каждой из которых работали по 20–25 человек. Остальные предприятия представляли собой мелкие ремесленнические мастерские, в которых работало по несколько человек. В 1930 г. относительно крупными производствами были лесопильни Скорбника, Михельсона и Браверманна (от 15 до 80 рабочих). Значительно меньшими предприятиями были: производство кафельной плитки Белькаса, водочный завод Познаньского, пивоварня «Корона», восемь типографий, мелкие фабрики по производству газированной воды и кваса «Криница» и «Санитас», три мыловаренных завода, 15 пекарен. Рабочие и ремесленники составляли 33 % жителей г. Бреста; 18 % горожан работали на железной дороге. Значительная часть городского населения работала в сфере розничной торговли [43, s. 25–26]. В 1928 г. у брестчан числилось 443 лошади, 810 коров и 1 477 свиней [33].

Во многих случаях мелкие города считались таковыми лишь по формальному признаку. Образ жизни основной части их жителей оставался типично сельским. В качестве примера остановимся на поветовом городе Пружаны. В 1921 г. там проживало

6 332 человека, и таким образом Пружаны были пятым по численности населения среди городов Полесского воеводства после Бреста над Бугом, Давид-Городка, Лунина и Кобрин. В 1933 г. в городе было 1 249 домовогоколо, 300 из них, по оценке магистрата, имели деревенский вид. При многих домах располагались довольно большие земельные участки, а городские жители были тесно связаны с сельским стилем жизни: занимались животноводством, выращивали овощи и фрукты. Одним из занятий жителей Пружан было бортничество (у 12 домовладельцев). Согласно данным магистрата, в городе работали 21 кузница, 15 домашних столярных мастерских и одно небольшое фабричное столярное производство, две мастерских по ремонту колясок, одна токарная мастерская, четыре предприятия по производству листового железа, одна смолокурня. В Пружанах было также несколько частных предприятий по производству растительного масла [45; 46].

Типичным для западных регионов Беларуси поселением, имевшим переходный характер между городом и деревней, было местечко. Всего на территории Полесского воеводства, без учета Сарненского и Каширского поветов, насчитывалось 32 местечка, в том числе 16, включенных в состав сельских гмин. Согласно принятой тогда классификации, местечком называлось поселение, число жителей которого превышало 2 тыс. жителей. Однако статус местечка могли получить и более мелкие поселения, как, например, Линово (145 жителей), Волчин (190 жителей), Влодавка (292 жителя). Самыми крупными по числу жителей были местечки Мотоль (4 390 человек), Береза-Картузская (3 526 человек), Лахва (3 420 человек), Шерешево (3 310 человек), Иваново (3 068 человек).

Значительную, а иногда преобладающую часть жителей города представляли евреи (Высоко-Литовск, Каменец Литовский, Домачево, Влодавка, Волчин, Антополь, Иваново, Дрогичин, Хомск). Эта особенность была характерна прежде всего для местечек Брестского повета. Но были местечки, где проживали преимущественно православные христиане, например, Дывин, Городная, Кожан-Городок. Наиболее распространенными сферами занятости жителей местечек были ремесло, мелкая торговля и земледелие [12].

Таким образом, усилия городского самоуправления принесли скромные результаты при огромных потребностях. Уровень благоустроенности и санитарии в городах оставался низким, здравоохранение малодоступным. Крайняя отсталость в сфере коммунального хозяйства означала, что большинство горожан были лишены возможности пользоваться удобствами, которые в это время являлись нормой для европейских стран. Диспропорции в важнейших показателях хозяйственной и культурной жизни между западнобелорусскими и этническими польскими землями в межвоенное двадцатилетие сохранились. Одной из главных причин, обусловивших низкую эффективность работы городского самоуправления на землях Полесского воеводства, была их стабильно тяжелая финансовая ситуация на протяжении большей части межвоенного периода. На фоне общей социально-экономической отсталости региона слабо развитые производство и торговля не могли быть источником существенных налоговых поступлений в городские бюджеты.

Еще одним негативным фактором была политика государственной администрации в отношении территориального самоуправления. Перекалывание на самоуправление основных обязательств по удовлетворению локальных нужд, которые заведомо превышали его возможности, фактически означало отказ государства от исполнения многих общественных функций и предопределяло их невыполнение.

Принципиально нерешенным оставался человеческий фактор. Неэффективность работы муниципальных органов была следствием отсутствия у муниципальных служащих соответствующей подготовки, перегруженность обязанностями, низкая оплата труда, межнациональные и межпартийные конфликты и др.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вабішчэвіч, А. М. Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) : манаграфія / А. М. Вабішчэвіч. – Брэст : БрДУ, 2008. – 319 с.
2. Борка, А. І. Мясцовыя органы дзяржаўнага кіравання і самакіравання ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / А. І. Борка. – Гродна : ГрДУ імя Я. Купалы, 2011. – 140 с.
3. Князева, В. Падарожжа па Беларусі: гарады і гарадскія пасёлкі / В. Князева. – Мінск : Беларусь, 2005. – 303 с.
4. Вайцешчык, Г. С. Мястэчкі Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.): сацыяльна-эканамічнае і культурнае развіццё : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / Г. С. Вайцешчык. – Мінск, 2013. – 23 с.
5. Гістарыяграфія і крыніцы па гісторыі гарадоў і працэсаў урбанізацыі ў Беларусі : матэрыялы міжнар. навук. канф., 25–26 верас. 2009 г. / ГрДУ імя Я. Купалы ; рэдкал.: І. Соркіна (адк. рэд.) [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 2009. – 493 с.
6. Гісторыя Пінска. Ад старажытнасці да сучаснасці: да 915-й гадавіны з першага летапіснага ўпамінання / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Выш. шк., 2012. – 711 с.
7. Гарады і раёны Берасцейшчыны: гісторыя і сучаснасць. Івацэвіцкі раён / У. В. Здановіч [і інш.] ; пад агульн. рэд. А. А. Гарбацкага. – Брэст : Брэсц. друк., 2009. – 263 с.
8. Города и районы Берестчины: история и современность. Ивановский район / Е. Г. Калечиц [и др.] ; под общ. ред. А. А. Горбацкого. – Брест : Брест. тип., 2017. – 839 с.
9. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1921. – № 16. – Poz. 93. – S. 216.
10. Из распоряжения министра внутренних дел В. Сикорского о переименовании города Бреста, 12 февр. 1923 г. // Брест в 1919–1939 гг. : док. и материалы / сост. А. Г. Карапузова [и др.] ; гл. ред. Е. С. Розенблат. – Брест : Альтернатива, 2009. – С. 25.
11. Отчет Брестского магистрата брестскому поветовому старосте о проведении выборов в Брестскую городскую раду, 11 февр. 1920 г. // Брест в 1919–1939 гг. : док. и материалы / сост. А. Г. Карапузова [и др.] ; гл. ред. Е. С. Розенблат. – Брест : Альтернатива, 2009. – С. 18.
12. Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej opracowany na podstawie wyników pierwszego powszechnego spisu ludności z dnia 30.09.1921 r. i innych źródeł urzędowych. – T. 3 : Województwo Poleskie. – Warszawa : GUS, 1924.
13. Drugi powszechny spis ludności 09.12.1931. Województwo Poleskie. – Warszawa : GUS, 1932.
14. Sleszyński, W. Województwo Poleskie / W. Sleszyński. – Kraków, 2014. – 336 s.
15. Сведения о культовых учреждениях г. Бреста, не ранее 13 апреля 1934 г. // Брест в 1919–1939 гг. : док. и материалы / сост. А. Г. Карапузова [и др.] ; гл. ред. Е. С. Розенблат. – Брест : Альтернатива, 2009. – С. 222–224.
16. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2000–2005. – Т 4 : Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / М. Біч [і інш.]. – 2005. – С. 443–445.
17. Шыбека, З. В. Гарады Беларусі (60-я гг. XIX – пач. XX ст.) / З. В. Шыбека. – Мінск, 1997. – С. 219–220.
18. Статистические сведения о количестве репатриированного населения // Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 1. Оп. 2. Д. 2001. Л. 1.
19. Брест в 1919–1939 гг. : док. и материалы / сост. А. Г. Карапузова [и др.] ; гл. ред. Е. С. Розенблат. – Брест : Альтернатива, 2009. – 308 с.
20. Сообщение Брестского магистрата поветовому старосте о численности населения города (27 апреля 1920 г.) // ГАБр. – Ф. 5. Оп. 1. Д. 6.

21. Отчет о деятельности органов городского самоуправления г. Бреста за 1919–1938 гг. // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 1022. Л. 1–61.
22. Отчет о деятельности городского самоуправления г. Пинска за период с 5 марта 1919 г. по 30 сентября 1938 г. // ГАБр. – Ф. 2005. Оп. 1. Д. 126. Л. 1.
23. Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг. : в 2 кн. / НАН Беларуси, Ин-т истории ; редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2014. – Кн. 1. – 593 с.
24. Rocznik statystyki Rzeczypospolitej Polskiej. – Warszawa, 1927. – S. 18–22.
25. Памяць: Івацэвіцкі раён : гіст.-дак. хронікі гарадоў і р-наў Беларусі / рэдкал.: В. П. Касько [і інш.]. – Мінск : БЕЛТА, 1997. – С. 88.
26. Из отчета о деятельности органов самоуправления г. Бреста за период с 1919 по 1938 гг. // Брест в 1919 – 1939 гг. : док. и материалы / сост. А. Г. Карапузова [и др.] ; гл. ред. Е. С. Розенблат. – Брест : Альтернатива, 2009. – С. 55.
27. Сообщение Брестского магистрата об ущербе, нанесенному городу военными действиями и ходе восстановления за 1921–1928 гг. // ГАБр – Ф. 1. Оп. 1. Д. 864. Л. 3.
28. Вавренюк, И. И. Градостроительство в городе Бресте в 1921–1939 гг. / И. И. Вавренюк // Первая мировая война на Беларуси : сб. докл. – Брест : БрГТУ, 2013. – С. 73–78.
29. Сведения о ходе восстановления разрушенных в годы Первой мировой войны зданий г. Бреста, 13 дек. 1927 г. // ГАБр. – Ф. 5. Оп. 1. Д. 1372. Л. 5.
30. Информация Брестского поветового врача Полесскому воеводскому управлению о санитарном состоянии города, дек. 1928 г. // ГАБр. – Ф. 2. Оп. 1. Д. 4565. Л. 32–33об.
31. Статистические сведения Полесского воеводского управления о ходе восстановления хозяйства в воеводстве // ГАБр – Ф. 1. Оп. 1. Д. 850. Л. 4.
32. Приложение к приказу Командования Подляской дивизии об организации санитарной полиции в г. Бресте, февр. 1919 г. // ГАБр. – Ф. 5. Оп. 1. Д. 120. Л. 60–60об.
33. Из отчета о деятельности Брестского городского управления за период с 1 января 1927 г. по 31 марта 1928 г. // Брест в 1919–1939 гг. : док. и материалы / сост. А. Г. Карапузова [и др.] ; гл. ред. Е. С. Розенблат. – Брест : Альтернатива, 2009. – С. 34.
34. Отчет столинского поветового старосты о санитарном состоянии повета за 1926 г. // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 5. Д. 67. Л. 36.
35. Отчет о санитарном состоянии в г. Пинске // ГАБр. – Ф. 2005. Оп. 1. Д. 126.
36. Отчет о санитарном состоянии Столинского повета, март 1935 г. // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 5. Д. 151.
37. Отчет о деятельности муниципальных органов Коссовского повета за 1926 г. // ГАБр. – Оп. 4. Д. 155. Л. 8–9.
38. Докладная записка на заседание городской рады о разработке плана застройки г. Бреста, 1921 г. // Брест в 1919–1939 гг. : док. и материалы / сост. А. Г. Карапузова [и др.] ; гл. ред. Е. С. Розенблат. – Брест : Альтернатива, 2009. – 308 с.
39. Письмо полесского воеводы в МВД, 5 июня 1929 г. // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 5. Д. 33. Л. 214.
40. Отчет брестского старосты полесскому воеводе, 17 авг. 1929 г. // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 5. Д. 33. Л. 203.
41. Отчет об инспекции учреждений здравоохранения Бреста и Пинска, проведенной доктором В. Борковским, 4–5 мая 1929 г. // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 4. Д. 1207. Л. 48.
42. Marczak, M. Przewodnik po Polesiu / M. Marczak. – Brześć nad Bugiem : Nakładem Oddziału Polskiego Towarzystwa Krajoznawczego w Brześciu nad Bugiem, 1935. – S. 44.

43. Rocznik miasta Brzescia nad Bugiem na rok 1930. – Brzesc nad Bugiem, 1929. – S. 25–26.

44. Отчет о выборах в городской совет Логишина // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 8. Д. 475. Л. 57.

45. Списки населенных пунктов Полесского воеводства с указанием количества хозяйств и земельных угодий (1922–1924 гг.) // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 6. Д. 3467.

46. Папко, В. Адлюстраванне паўсядзённага жыцця павятовага горада Пружаны ў 1921–1939 гг. у дакументах Дзяржаўнага архіва Брэсцкай вобласці // Гістарыяграфія і крыніцы па гісторыі гарадоў і працэсаў урбанізацыі ў Беларусі : зб. навук. арт. / ГрДУ імя Я. Купалы ; рэдкал.: В. В. Даніловіч (адк. рэд.) [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 2009. – С. 391–396.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.10.2018

Pashkovich E.I., Mendel O.A. The Appearance of Cities of the Polesye District in 1921–1939

The article discusses the socio-economic development of urban settlements of the Polesye district in the context of the history of Western Belarus in 1921–1939. The study of the topic is based on the use and analysis of the works of domestic and Polish historians, the study of statistical sources and archival documents. As a result, the authors were able to trace the dynamics of the number of urban settlements in the region during the study period, reveal their demographic situation, establish the peculiarities of development, identify the main trends in the development of the infrastructure of cities and townships, and evaluate the authorities in this area.